

Валерий Столыпин

ТРИКОСНОВЕННЯ

18+

Рассказы про любовь и семейные отношения

Валерий Столыпин

Прикосновение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63596737

SelfPub; 2023

Аннотация

В юности автор мечтал стать писателем. Старался, упрямо скрипел карандашами. Не стал, по причине отсутствия житейского опыта. Позже жизнь закрутила – писать стало некогда. Надеялся, что когда-нибудь потом расскажу обо всём. Оказалось, что память – весьма ненадёжная функция. Но мечта осталась. Когда возраст начал напоминать о себе пришло время подводить итоги. Багаж событий к тому времени был накоплен солидный, посему решено было кропать мемуары. Вот только писать за столько лет совсем разучился. Пришлось вспоминать правила грамматики, пунктуации и многое другое. Попутно выяснилось, что жизнь обычного человека никому, даже близким людям, не интересна. Тогда автор начал вести душевные беседы и слушать. Есть у моих соотечественников сентиментальная особенность – желание исповедаться, выговориться, вывернуть наизнанку душу, особенно когда один на один да под рюмку чая. Попробовал – получается. С тех пор и пишу. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Про иллюзии и галлюцинации	4
Безотказная	17
Романтикэ	30
А ночь была как музыка, как милость	61
Безумное счастье	75
Верь в судьбу	83
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Валерий Столыпин

Прикосновение

Про иллюзии и галлюцинации

Ты, может быть, вполне порядочный мессия,

И многих женщин до меня прекрасно спас.

Любовь нужна, но только без анестезии -

Я пас...

Сола Монова (Юлия Соломонова)

Ирочка Пронина была по уши влюблена в собственного мужа, а ведь женаты они уже без малого пять лет.

Викентий оказался идеальным мужчиной, хотя немного сумасбродным: умел заработать и тратил с умом, к тому же излучал в окружающее пространство непоколебимую уверенность и энергию несокрушимого оптимизма, но по характеру деятельности – отчаянный авантюрист, азартный игрок и неисправимый обманщик.

Его экстравагантные эротические фантазии, слегка

безумные (ведь супруги так молоды), порой зашкаливали, а буйное рукосуйство, сексуальная силища и удивительная нежность ошеломляли супругу, но именно эти качества и были изюминкой супружеских отношений, придававшей их трепетным романтическим будням толику пикантной сладости.

Ирочка по жизни была легкомысленной беззаботной хохотушкой, что не мешало, однако, быть образцовой домохозяйкой и страстной любовницей.

Находясь дома, супруги не размыкали пылких объятий. Они жадно поглощали дары, щедро унаследованные от щедрот эволюции и благословенной природы, которая позволяла видеть и чувствовать такое, что невозможно передать словами.

До встречи с любимым девочка не представляла, что тела мужчины и женщины способны сливаться в единое целое.

Понятие стыда в процессе интимного единения перестаёт чего-либо значить: сознание теряет ясность, погружая в динамическую медитацию, когда до крайней степени возбуждают не только поцелуи и прикосновения, но и сами энергетические поля, вторгающиеся внутрь до клеточных глубин.

Женщину в момент возбуждения пронизывали насквозь удивительной силы токи, заставляющие потеть, обливаться вязкими маслянистыми соками и трепетать от возбуждения, рождающего безотчётное желание вбирать в себя горячую мужскую плотность до самого основания.

Несколько часов вынужденной разлуки давно уже были для Ирочки невыносимым испытанием.

Она задыхалась от желания, торопилась домой, подогревая попутно в себе эмоции страсти и живое ощущение необузданного сладострастия.

Непреодолимое вожделение Ирочка испытывала непрерывно, дополнительно усиливая грёзы спонтанным напряжением группы интимных мышц, о существовании которых прежде не ведала.

Как назло, начальник планового отдела был взвинчен до предела ошибкой в её расчётах, которую можно было бы исправить завтра утром минут за десять.

Он возмущался, чего-то профессионально несурзное настойчиво требовал.

Как не вовремя, как некстати!

Голова отказывалась исполнять привычные функции.

Ирина чувствовала невыносимое жжение, неукротимую энергию, расширяющую её изнутри.

Она уже настроилась, даже виртуально впустила Викентия в себя и вдруг такой облом.

Из глаз женщины едва не брызнули слёзы.

Она была готова уничтожить назойливого руководителя, но подчинилась, предварительно предупредив по телефону мужа о непредвиденной задержке.

Викентий спросил, когда можно забрать её с работы, просил позвонить.

Досадная бухгалтерская ошибка странным образом ускользала от опытного взгляда, видимо от обиды и бессилия.

Безысходность положения усугубило временное отключение электроэнергии, что и вовсе показалось трагичным.

Как ни крепилась Ирина, но всё-таки разревелась, вызвав

ещё большее раздражение начальства.

Когда отчёт был окончательно сведён, Ирочка начала названивать любимому, но тщетно – то ли не было связи, то ли он заснул.

Пришлось вызывать такси.

Машину подали быстро.

По дороге Иришка опять прониклась романтическими чувствами к мужу, вызвав в очередной раз дрожь в коленках и приятное ощущение полноты в интимных глубинах разгорячённого чрева.

Женщина так увлеклась сладкой фантазией, что едва не закричала, почувствовав приближающийся финиш.

Отдышавшись, Ирочка собрала волю в кулак и наметила план действий.

Викентий любит сырники с вареньем и сметаной. Нежность слегка подождёт, сначала нужно умаслить милого, тогда уж ничто не остановит блаженство безмерного наслаждения интимным единением.

Девушка зашла в магазин, купила десяток яиц, молоко, творог, муку, сметану.

Настроение медленно улучшалось.

Бумажный пакет с яичками Ирочка держала в одной руке, остальные продукты в другой.

Открывать дверь было неудобно.

Сумку с продуктами пришлось взять в зубы. Чего только не сделаешь, чтобы порадовать любимого.

Дама парила над обыденностью в предвкушении приближающегося наслаждения.

Удивительно было то, что Викентий не встретил.

Неужели действительно заснул, это так на него непохоже. Впрочем, так ещё интереснее: будет время принять тёплый душ, смыть надоевший за целый день макияж, промассировать с ароматическим кремом тело.

Не представляете, как приятно разбудить милого поцелуем, а потом...

Ирочка уверенно толкнула дверь в комнату бедром и остолбенела.

На неё в упор нагло смотрели дрыгающиеся женские ноги и поступательно въезжающий меж них до боли знакомый зад, издающий противно чавкающий звук.

На левой щиколотке задранной чуть не до потолка ноги чётко вырисовывалась татуировка.

Этот рисунок мог принадлежать лишь одному человеку – лучшей подруге, Светке Новиковой, с которой Ирочка ещё в саду на соседнем горшке сидела.

Остановить процесс совокупления, по всей видимости, не представлялось возможным.

Когда поезд разгоняется до предельной скорости, срывать стоп-кран бесполезно, даже опасно.

Светка изображала стонами и энергичными конвульсиями бурный оргазм, вцепившись ухоженными кроваво-красными когтями в бока любимого.

Викентий рычал, выгибался, энергичными толчками обеспечивая в стыковочном модуле негодяйки максималь-

ную компрессию. Ирина чувствовала, как муж наполняет секретом сладострастия пульсирующий страстью интимный арсенал любовницы.

От резкого запаха похоти и ощущения мерзости происходящего Ирочку затошнило.

Она не нашла ничего лучшего, чем весьма метко с размаху запустить пакет с яйцами в голову изменщика мужа.

Звука разбивающихся скорлупок Ирина не слышала, зато ясно видела триумфальное растекание тягучих желтков по безукоризненной причёске и мускулистому телу Викентия.

Светка, моментально покрываясь с ног до головы разноцветными нервными пятнами, суетливо визжала, шарила руками в поисках одеяла, желая прикрыть вопиющий срам, пытаясь одновременно вырвать ноги из цепких рук партнёра, увлечённого преждевременным наступлением оргазма.

Ирочка нервно хохотала, потрясая кулаками, и орала как воинственный индеец, отправляющий томагавк в голову ненавистного бледнолицего, в качестве которого использовала муку и сметану.

– Придушу, гадов, скальпы сниму, заживо зажарю! Твою

вонючую вагину, двуличная тварь, подруженька называется, и твою мерзкую кобелиную ненасытность, вместе с теми и другими яйцами. Вон отсюда... оба... чтобы духу вашего здесь не было!

– Позвонить не могла, – в странном, обвинительно оправдывающемся тоне, прошипел презренный мерзавец.

– Ты ещё вякаешь, паскудник! Как я могла полюбить такое ничтожество, как могла не заметить, что вы давно спелись!

Светка простыней лихорадочно пыталась стереть с лица соус из спермы, сметаны и муки с сырой яичницей. К нему вдобавок живописно прилипли несколько птичьих перьев из подушки, придавая зрелищу забавную комическую остроту и неповторимо яркую пикантность.

Одновременно напуганная непредвиденным обстоятельством Светлана комкала грязными руками изысканное ритуальное облачение, которое она носила лишь в особых романтических случаях, до этого момента аккуратненько сложенное на стульчике.

Викентий торопливо натягивал брюки на голое тело, похожее в этот момент на большой пельмень, потешно прыгая на одной ноге, пытался чего-то бестолково объяснить, заод-

но вымаливая прощение.

– Честное слово... я не хотел... любимая. Это нелепая случайность. Светка сама... ну посмотри, как она нарядилась, как на панель.

– Ага, джентльмен не смог отказать даме... наверно из вежливости. Коварная обольстительница заманила в любовные сети наивного мальчугана.

Ирочка, сжав зубы, указательным пальцем уверенно указывала на дверь.

– Вон... вон, скотина!!!

На следующий день она подала заявление на развод, хотя ещё долго вечерами и ночами ревела белугой.

Жизнь с того памятного дня стала монотонной, бесцветной, утомительной, невыносимо скучной, а окружающий мир выглядел раздражающим фоном.

Пять лет коту под хвост... пять лет!

Вырвать Викентия из сердца оказалось совсем непросто. Ирочка справилась.

Со Светкой бывший муж прожил чуть больше недели: не сошлись характерами и вообще...

Потом он трижды женился с одним и тем же итогом – каждый раз попадался на измене и категорически отказывался стать отцом.

Как удивительно и странно развиваются интимные отношения: влюбляешься без памяти, живёшь, душа в душу, прирастаешь кожей, сливаешься ментально и физически до степени смешения, а потом... неужели так происходит у всех!

Ирочка благодарила судьбу, что не успела от Викентия забеременеть. Растить детей с мужчиной, у которого примитивный нижний мозг доминирует над основным – испытание не из приятных.

Со временем Ирочка забыла, что когда-то любила Викентия, как боготворила его, но так и не смогла забыть чувство стыда и омерзения, которое в те мгновения взорвали её воспалённое сознание и ранимую душу.

Выращивать ненависть в душе она не стала. Постаралась затушевать, стереть из памяти неприятные впечатления. Ведь Викентий, если мыслить логически, вовсе не ви-

новат. Видимо, Ирочку давно съедала чёрная зависть по поводу счастливой семейной жизни подруги.

Надо же, придумала, глупая баба, любовь к чужому мужику, старательно пестовала то, чего на самом деле не было и быть не могло.

Может, просто хотела снять пробу?

Верно говорят, – влюбился без памяти. Это значит, что так увлёкся, что совсем потерял связь с реальностью.

Иногда всё же Ирочка сомневалась, – правильно ли поступила тогда.

В такие минуты она грезила, выстраивала сценарий возможных, если бы не истерика, идеальных отношений, создавала в воображении привычный в недавнем супружестве каскад головокружительных эмоций, ощущая словно наяву всё самое прекрасное, что было тогда и могло стать реальностью сегодня. Но, увы, не стало.

Мысли раздваивались, разбегались в разные стороны, парили над сознанием, взмывали куда-то ввысь, потом проваливались, выскальзывали...

Однако, заложив соблазнительный романтический вираж, распалив докрасна изобретательную интимную фантазию, обнажённые чувства возвращались к тому неприглядному

моменту, когда с любимого вместе с разбитыми яйцами грязными потёками стекала иллюзия любви.

Позже ей повезло – сошлась с мужчиной, который не был настолько идеальным, зато за всю жизнь ни разу не дал повода усомниться в верности и искренности.

И всё же... Ирочка никогда в дальнейшем не возвращалась домой без предупреждения. Второго предательства ей было не вынести.

Безотказная

Хватает за душу, до воя,

Тепла июльского уродство,

Где мы вдвоем идём с тобою

Под незаметным руководством

Судьбы, амуровых делишек.

Накрапывает мелкий дождик.

Ты нарожаешь мне мальчишек,

Девчонок, ясный перец, тоже.

Ну а потом, перед полётом

На небеса в ракетах красных

В промозглой парке позолоте

Ты скажешь мне: «Всё было классно!»

Игорь Вавилов

Катка была безотказной почти во всём, слабохарактерной.

Изворотливостью, коварством, изобретательностью и хитростью она не обладала – некому было научить жить в быстро меняющемся, агрессивном и жестоком мире.

Росла девочка, как сорная трава: изо всех сил за любую возможность выжить цеплялась всем, чем только можно.

Науку самосохранения она познавала не от учителей, от самой жизни, которую даже с натяжкой невозможно считать счастливой. Пучки ела, лебеду, крапиву с одуванчиками, гнилые овощи и фрукты с рынка, которые даже за половину цены не смогли продать хозяева. Часто вообще голодала по несколько дней. Сколько раз в подъезде ночевала, когда пьяная мать, забыв о её существовании, запиралась в квартире изнутри. Одевалась по большей части в чужие обноски, которые отдавали ей сердобольные люди.

Она не роптала. С десяти лет девочка начала подрабатывать на продуктовом рынке. Овощи перебирала, раскладывала товар. Сэкономленные деньги в стеклянной банке в подвале многоэтажного дома закапывала, чтобы мать ненароком не пропила.

Катин отец так ни разу за всё время и не объявился. Она бы нисколько не удивилась, узнай, что зачата от святого духа. Сколько раз мамашу спрашивала, каким образом в животике у неё очутилась. Ответа не услышала.

Впрочем, это не удивительно – у неё каждую неделю по несколько раз мужа менялись.

Непутёвую родительницу Катька жалела, по возможности подкармливала, кое-что из одежды, например – нижнее бельё, на скудные заработки покупала. Какая никакая – мать. Жизнь дала всё-таки, да и на улице не бросила, не дала сгинуть.

Правда, заботилась родительница о ней, кто бы знал – как, совсем в другой жизни, которая промчалась как один день – даже вспомнить толком не о чем.

Пять лет прошло, как схоронила её Катерина.

Выучиться девчонке толком не удалось. Нужно было на хлеб зарабатывать, одеваться во что-то. Хорошо хоть угол свой. Две комнаты, что от мамы в наследство остались, Катька сдаёт, сама угол в общежитии снимает.

Теперь-то она обжилась: диван купила, стиральную машину, холодильник. Конечно, не новое, с рук брала, но ведь гожее ещё. Приделась, хоть как-то прикрыла тщедушную худобу. Краситься научилась. Безвкусно, конечно, грубо, но, хоть какая-то яркость в невзрачном облике. Причёску раз в месяц делает. Деньги копит. О любви мечтает, грезит настоящую свадьбу когда-нибудь справить.

По выходным бегаёт смотреть на счастливых женихов и невест.

Жизнь, можно сказать наладилась. С рынка Катька так и не ушла – прижилась. Грузит, разгружает, мясо рубит, бака-

лею фасует, иногда продавцов подменяет. Ей все доверяют, но деньгами обманывают. На то она и безотказная.

Без дела Катька почти не сидит. С утра до вечера – то одно задание выполняет, то другое. Сегодня с подругой с утра фуру с арбузами корейцам разгружала, потом две машины с бакалеей, только что рефрижератор с мороженой рыбой. Устала насмерть.

Верка, её напарница, прямо на мешках заснула, хотя старше, сноровка у неё, и сил куда больше – на зоне мышцы накачала.

В Катьке, пигалице, дай бог метр пятьдесят роста будет, и килограммов сорок вес. Как выдерживает такую работу, непонятно.

Освободившись от трудов, получив скудную копеечку, девчонка купила палку колбасы, две буханки хлеба, бутылку самогона и блок сигарет. Помидоры и лук так взяли, в счёт оплаты. Без курева и выпивки разве выдержишь такую напряжённую жизнь!

Верка обрадовалась, проснулась мигом.

Захмелели разом, после первого глотка. Подняв настроение, шёпотом запели.

Хорошо!

Напарница так уморилась за день, что заснула прямо в подсобке, не успев последний стакан допить. Катька не обиделась, – такие люди нам нужны. Мне больше достанется.

Она давно научилась пить, не пьянея. Скажи сейчас Кать-

ке, что машина с мясом или пивом пришла, побежит разгружать. Деньги лишними не бывают. За это её и держат, что работать может сутки напролёт, и никогда за цену не торгуется: сколько дадут – столько и ладно. Всё одно крохи остаются, чтобы на свадьбу отложить.

Такие минуты, когда ничего не нужно делать, а деньги есть, Катька очень любит. Заберётся в самый дальний угол склада, ляжет на мешки или ящики, глаза прикроет и мечтает.

О чём может мечтать одинокая девчушка в девятнадцать лет? Понятно, о любви.

Иногда ей доводится прочитать что-либо на эту животрепещущую тему.

Катька лежит и представляет себя Кети, как Скарлетт О’Хара из романа “Унесённые ветром”. Из всех литературных персонажей эта женщина кажется ей ближе всех. Героине тоже пришлось не сладко. Да и имя у неё похожее.

Катька-Кети как наяву видела себя в изысканных одеяниях того романтического времени, богатую и счастливую. Фантазии ей было не занимать. Она представляла себя блистающей в высшем свете дамой, умеющей за себя постоять, знающей себе цену юной красоткой.

Когда её изобретательность начинала буксовать, Катька вновь и вновь перечитывала книгу. Многие моменты девочка помнила наизусть, иногда настолько входила в образ, что начинала разговаривать фразами героини.

Женщины над ней подтрунивали. Зато мужики восхищались, но не умом и памятью, а Катькиными только начинающими проявляться женскими формами. Парни тоже шептались, показывая на девушку пальцами, тайком мечтая о её благосклонности, которую понимали по большей части превратно.

Иногда Катьке дарили цветы и конфеты, просто так, ни за что. Порой приглашали в кино. Но чаще пытались зажать меж пыльных мешков и коровьих туш, ущипнуть за зад, нагло залезть под юбку.

Тщетно. Она была непреклонна относительно интимных отношений – исключала и пресекала любые поползновения на свою честь.

Это было тем более странно, что девственности Катька лишилась ещё в пятнадцать лет. Её единственным мужчиной был Витька Копылов, старшеклассник, сосед по подъезду.

Быть его подружкой мечтали чуть не половина девчонок в школе. Высокорослый стройный юноша имел атлетическую фигуру, пропорциональное мужественное лицо с игривой ямочкой на подбородке и удивительно выразительные глаза, которым нельзя было не верить.

Не влюбиться в такого мальчишку было попросту невозможно. Удивительно, что Витька выбрал именно её, Катьку.

Витька рядом с ней казался гигантом. Несмотря на разницу в социальном положении, и её кричащую бедность, Витька привязался к девочке всей душой.

Не оценить этот необъяснимый факт она не могла.

Ребята были вместе до окончания Витькой школы.

Потом дружок уехал в областной город поступать в институт, родители его тоже куда-то исчезли. Найти любимого Катьке не удалось. След его потерялся окончательно.

Катька горевала, но не очень долго. Не до этого ей тогда было. А помнить – помнила.

Разве можно забыть такую любовь!

Витька ведь единственным был, кто с ней по-человечески в ту пору обращался.

Мечтая в тишине, девушка представляла именно его сказочным персонажем, которого посылали грёзы. Не могла она предать те единственные в своей неприкаянной жизни настоящие чувства, никак не могла.

Однажды её завалил на мешках татарин гигантского роста – Ринат Акчурин, владелец двух десятков торговых мест. Катька отбивалась от насильника насмерть.

На его прокушенной насквозь щеке на вечную память остался грубый след от её зубов.

Теперь мужчина сам Катьку защищает от непрошенных любовников, а тогда чуть голову не оторвал, настолько взбесился от обиды и злости.

Катька вытащила из Веркиного кармана деньги, зная повадки рыночных работяг, чтобы не стащили ненароком. У напарницы дома парализованная мать и сын – инвалид с детства. У неё каждая копейка на счету.

Катьке женщина доверяет, сразу смекнёт, что к чему.

Сегодня должны прийти под разгрузку ещё две машины, но работать совсем не хочется. И без того неплохо заплатили. По-хорошему, можно было бы неделю дома сидеть.

Катька переделась в чистое, пошла домой, всё ещё находясь под впечатлением большой мечты. Так и брела, пока не разбудил визг тормозов едва не сбившей её машины.

Катерина даже испугаться толком не успела, как из раздолбанной шестёрки выскочил огромный бородатый мужик.

Девушка встала в защитную позицию, предполагая, что придётся дать отпор. Мозг лихорадочно намечал план немедленных действий, – коленом между ног, головой в подбородок, – иначе уроет. И бежать... бежать без оглядки, пока не очухался.

– Катька, господи, это же ты, – обрадованным басом прогудел бородатый здоровяк, – неужели не узнала! Витька я, Витька Копылов. Я же искал тебя. Квартиранты сказали, что за полгода авансом с тобой рассчитались, где живёшь – понятия не имеют.

– Искал-то зачем! Исчез на четыре года, ни слуху, ни духу. Зачем я так срочно тебе понадобилась, – недовольно буркнула Катька, которую так некстати отвлекли от приятных мыслей.

– Катька, моя Катька! Да садись скорее, пока нас менты не загребли. Отъедем, расскажу всё по порядку. Поехали уже, голова садовая. Идёт, по сторонам не глядит. Я грешным де-

лом подумал, что ты счёты с жизнью свести собралась.

– Ага, так я тебе и поверила. Сейчас сяду, а ты... езжай уже, нечего лапшу на уши вешать. Наша с тобой любовь быльём поросла, даже воспоминаний не осталось.

А у самой ноги тряслись, в животе всё перевернулось и голова кругом пошла.

Не знать дружка, не узнать. Мужик!

Катька, как была пигалицей, так и осталась. Ей до сих пор никто не верил, когда говорила, что совершеннолетняя. А он – косая сажень в плечах, бородища. Смотреть на него пришлось снизу вверх. Да и поймать его взгляд было отчего-то страшно.

– Да люблю я тебя, дурочка. Помню и люблю.

– Чего тогда душой кличешь! Кажется, ничего я тебе не должна. Поезжай с миром. Разошлись наши пути-дороженьки. Раньше нужно было искать, когда я одна на всём свете осталась, когда поддержать некому было.

– Не мог я раньше, Катюха, не мог. Христом Богом прошу – садись. Не вынуждай сильничать. Я ведь не отступлюсь.

– А ты попробуй. Не таких лихачей обламывала. Ринат покруче тебя будет, так и он не одолел.

– Ну, чего ты, право слово. Сказал же, люблю. Ты у меня первая, ты и последняя.

– А бороду какого лешего наклеил, от закона бегаешь? Ментов чего боишься!

– Никого я не боюсь. Тебя потерять лишний раз не хочу,

а борода – потом расскажу.

– Ладно, поверю. Поехали. Но знай – силой меня не взять. Меня Верка таким штучкам выучила – любого злодея могу на колени поставить.

– А как ты разбойника от хорошего человека отличаешь. Вот я, например, опасный, или нет?

– Станный ты! Не по себе мне рядом с тобой садиться. Только любопытная я.

Машину отогнали до ближайшего скверика. Остановились.

У Катьки сердце из груди выскакивает, поверить не может, что Витька и есть Витька. Да не нужен ей никакой Ретт Батлер, будь он трижды миллионер. Только о Витьке девушка и мечтала долгие годы. Только о нём одном.

– Ну, рассказывай, коли грозился, отчего тогда бросил, а теперь вдруг вспомнил, – грубовато, больше, чтобы себя успокоить, провоцировала она старого друга.

– Соври чего-нибудь правдоподобное, чтобы разжалобить.

– Как на духу, Катенька. Всё расскажу. Только скажи сначала – ты меня хоть немножечко любишь!

– Сначала байки хочу послушать, тогда поговорим.

– Ну, скажи, не томи! Я ведь почему до сих пор жив – о тебе помнил, каждую ночь с тобой разговаривал.

– С чего бы мне в тебя влюбляться! Витьку Копылова любила, а тебя... тебя не знаю. Может ты не тот, за кого себя

выдаёшь. На Витьку ты совсем не похож.

– Побреюсь – узнаешь. Я себе зарок дал – не бриться, пока тебя не найду.

– Бреешь. Вот провалиться мне на этом месте – бреешь. Ко мне ещё и не так клеились. Дальше ври.

– Зуб даю. Я ведь никуда в тот раз не поступил, а родителям сказать боялся. Получил повестку в армию и сбежал. Около года на севере бичевал, чтобы не призвали. Тебе не писал, потому, что боялся, что военкомат по писульке сыщет. Потом устал скрываться, сам пришёл на призывной пункт. Из учебки меня отправили в Эфиопию в составе ограниченного контингента группы войск, как бы на помощь братскому народу.

– Сказки рассказываешь. И чего ты там делал, в той Эфиопии?

– Как что – воевал. Не представляешь – сколько там нашего брата полегло, сгинуло.

Витька скинул рубашку. На плече и груди были круглые шрамы, – пулемётная очередь. Еле выходили.

У Катки на глаза навернулись слёзы. Она прижалась губами к ранам и заплакала.

– А потом... потом, – захлёбываясь слезами, спросила она.

– Потом реанимация, реабилитация, куча операций, больничная койка. Письма из-за границы писать не разрешали. Нас ведь там как бы и не было. У меня в военном билете ме-

сто службы – Рязань.

– А теперь... теперь ты куда?

– К тебе, Катюха, к тебе, родная. Вот, глянь, – Витька достал из внутреннего кармана колечко, – примерь, должно подойти. Какая же ты красивая стала. Работаешь, учишься?

– На рынке тружусь... грузчиком.

– Кем-кем! То-то я смотрю, от тебя перегаром пахнет. Мамочки родные, это же я во всём виноват! Всё, теперь твоё дело отдыхать.

– Разве я что-то пообещала! Ну, слеза выкатилась, что с того. Я же как-никак девочка.

– Ты же кольцо примерила, грудь целовала... плакала... и вообще. Не морочь голову, Катька, давай лучше поцелуемся. У меня от твоего родного запаха крышу сносит.

– Вот ещё, пока бороду не сбреешь, пока не пойму, что это ты, даже думать не смей. Жить-то где собираешься?

– Само знамо – у жены. Мы же с тобой, сколько лет как повенчаны.

– Что-то не припомню такого мужа... и под венец не ходила.

– Так я напомним. Ты же мне самая родная. Ладно, не трепыхайся, я не в претензии. Дурак был, с этим не поспоришь. Это же надо было придумать – от любви на край света свалить. Поехали обновки тебе покупать. У меня денег полно, на всё хватит. Где теперь у вас шмотками торгуют?

– Какие покупки, сказала же – пока не побреешься, пока

не признаю – ко мне не подходи.

А сама припала к бородачу, зарылась у него подмышкой, и ревёт.

Кажется, в этот миг она была по-настоящему счастлива.

Мечтать расхотелось сразу.

– Витька, мой Витька. А это точно ты, не обманываешь?

– Вот же я, трогай. Можешь документы проверить.

Романтикэ

*Было! Трамваи летели, как красные кони.
Астра звезды расцветала на скатерти неба.
Я прибежала с работы в горячей короне,
Хоть и с авоськой, тяжелой от сыра и хлеба.
Было и помнится: возле железной калитки –
Осень весёлая в жёлтом пальто наизнанку...
От обожанья, которого было в избытке,
Я умирала и к вечеру, и спозаранку.
Татьяна Бек*

По недоразумению или по чьему-то ироническому умыслу произошло то, что случилось: пути-дорожки участников этого странного события сошлись в одной точке по чистой случайности.

Кавалеру немного за сорок. Леди, как и положено, на пять лет моложе. Любви ведь все возрасты покорны.

Чтобы не вести объёмное повествование, скажу сразу: меня тривиально, если не сказать грубо, в шутку или всерьёз, преподнесли подруге подруги, той самой, которая в этой истории станет основным персонажем, в качестве скромного интимного презента.

Хочешь, бери, не нравится – положи на место. “Такая королева нужна самому”

Только я о факте коварного сговора не знал.

В самый неподходящий момент (на накрытом столе горели свечи, я преподнёс букет, готов был искренние романтические намерения закрепить поцелуем), раздался квартирный звонок.

Хозяйка, мило улыбавшаяся мне, оживилась, – кто бы это мог быть... я никого не ждала. Кроме тебя, конечно.

На пороге стояла взъерошенная посетительница, – звоню-звоню, чем ты здесь занимаешься! Ах... вот оно что... рандеву, шуры-муры. Ну, извиняйте... потискаетесь в другой раз. А он ничего. Простенько, но со вкусом. Чем угощать будете?

Девушки, в моём возрасте все женщины до семидесяти – девушки, пошептались, перемигнулись загадочно при встрече и обменялись поцелуями: мода теперь такая.

Дама, неволью или намеренно разрушившая романтическое уединение (у нас с Леночкой должно было состояться решающее свидание, на котором я хотел сделать избраннице серьёзное предложение и кое-что таки получить в качестве согласия), внешностью обладала непримечательной,

невзрачной.

Так себе удовольствие, лицезреть нагловатую диву в ситуации, когда её визит становится помехой для важного интимного разговора.

Неожиданная гостья (на самом деле в доме потенциальной невесты она появилась совсем не случайно) не позволила в полном объёме соблюсти церемонию интимного сближения.

Было обидно, но я не дал досаде и раздражению окончательно испортить настроение: смирился с тем фактом, что жизнь состоит из внезапных перемен и неожиданных поворотов.

Я уже несколько лет жил холостяком, причём не вполне обычным: кроме себя любимого мне необходимо было заботиться о дочке подростке и первоклашке сыне.

Так распорядилась судьба и их мама, которая предпочла материнскому инстинкту свободу от обязательств.

Честно говоря, на это рандеву я сильно рассчитывал. Мне казалось, что Леночка, дама одинокая, в меру привлекательная, улыбчивая (она была слегка старше меня, но выглядела замечательно), вполне подходит в качестве спутницы жизни.

Гостья мне сразу не понравилась.

Возможно, причиной тому было её внезапное вторжение, разом разрушившее мои сентиментально-лирические планы, и нелестную реплику. Я мужчина чувствительный, для меня главное – стабильные доверительные отношения, серьёзные чувства и духовная совместимость.

Не так просто было решиться на откровенный разговор с Леночкой.

Именно сегодня я готовился перевести затянувшиеся дружеские встречи в иную, более серьёзную и близкую плоскость.

Дама, разрушившая границы нашего интимного пространства была мне неприятна со всех сторон. И не только потому, что выглядела невзрачно: утомлённый взгляд, желтизна под глазами, обречённая разочарованность в жизни, что стало понятно практически сразу по циничным репликам и едкому сарказму.

Равнодушная, грубоватая – она сидела в кресле в позе йога и внимательно наблюдала мою растерянную настороженность. Создалось впечатление, что она наслаждается.

– Ненавидит мужчин, – отметил я, – зачем, почему она здесь, почему именно сегодня, когда я решился на откровенный разговор.

Одета гостья была довольно странно: не по возрасту мешковато, в мрачные цвета. Так зловеще выглядят безутешные вдовы.

Видимо моё погасшее настроение передалось всем. Во всяком случае, у подруг разговор получился скомканным.

Чтобы им не мешать, я несколько раз выходил на улицу курить. О чём они беседовали в моё отсутствие – не знаю.

Я рассчитывал на то, что ещё не всё потеряно. Пусть общаются. Потерплю.

Не до утра же эта эксцентричная особа будет сидеть!

Романтический запал и робкие надежды завершить задуманное не иссякли окончательно, надежда на взаимность Леночки теплилась в сознании, рассчитывающем на сладость объятий и на кое-что ещё, более интимное, на что имелись веские основания.

Я и детей предупредил, чтобы не ждали, ложились без меня. Ужин им заранее приготовил, уроки помог сделать. Пусть привыкают к самостоятельности. Мне тоже надо налаживать личную жизнь.

Увы, мои надежды на интимное гостеприимство дерзкая гостья разнесла в клочья. Более того, пришлось везти её домой, – потому, что поздно, темно и вообще – мало ли что

может случиться! Время, сам знаешь – беспокойное. Отвези, не спорь. И не обижайся, миллион раз ещё встретимся.

Леночка чмокнула меня в щёчку и многозначительно улыbnулась, – не хулиганьте там. Я спать.

Подружки смотрели на меня довольно странно: перемигивались, обменивались загадочными жестами, типа – всё о,кей, что окончательно испортило вечер надежд.

Не по своей воле приступил я к исполнению одной из главных ролей в карикатурной пародии на любовь: так за моей спиной решила потенциальная невеста.

Не эта, которая нагло уселась на переднее сиденье машины, та, что предложила подруге циничную сделку, или розыгрыш – Леночка.

Я же с ней пытался, не сказать что совсем безуспешно, наладить серьёзный интимный контакт. До секса пока не дошло, но глазки она мне строила, откровенно флиртвала, вела доверительные беседы, с удовольствием принимала в гостях, да и всем поведением показывала, что готова строить серьёзные отношения.

Как позднее оказалось, Леночка пригласила подругу намеренно, можно сказать на смотрины. Самостоятельно не

могла решить, – стоит ли допускать “этого кренделя” до тела; соответствуют ли издержки в виде секса реальной выгоде от данного предприятия?

Одной Леночке жить было не очень уютно. Конечно же, она мечтала о доверительных отношениях, о совместных ужинах, путешествиях, о сильной мужской руке, но при этом не имела желаний утрачивать свободу и независимость.

Желательной схемой отношений был гостевой брак, но с условием, что часть зарплаты кавалер будет приносить ей, а ночевать у себя дома.

Защищённый секс, редкие встречи, и чтобы никаких детей.

Я же, по привычке брать на себя полный объём ответственности в обмен на стабильность и искренние чувства, сразу намекнул, что надеюсь на долгосрочное семейное сотрудничество.

Именно это её и смутило.

Леночка была не против романтических рандеву с элементами вкусного эротизма. Она любила азартные скачки, активный, до изнеможения, секс. Увы, я об этом лишь слышал, причём гораздо позже, от её подружки, которую вёз сейчас

на другой конец города.

После секса Леночка привыкла нежиться в одинокой постели: страдать от так и не удовлетворённого до конца желания, разжигать его, накапливать, чтобы в следующий раз выплеснуть так, чтобы чертям стало тошно.

Личное время дама не желала тратить на кого бы то ни было ещё, кроме себя. Тем более жить под одной крышей с посторонним мужчиной, наблюдать за его жизнедеятельностью.

Общение даже с самым выдающимся жеребцом, считала она, должно ограничиваться временем, проведённым в постели: не более того.

Посторонний объект в собственной квартире её никак не устраивал. Тем более, секс по утверждённому не ей графику.

Леночке виделся вариант, когда мужчина изредка наносит визиты вежливости, выражая их неистовыми выплесками сексуальной энергии с множественными оргазмами и благодарностью в виде материальных подношений за подаренные впечатления.

Для мужчины, который восемнадцать лет жил в супружестве, вопрос секса равнозначен принципам гигиены: не при-

пал вовремя к источнику вдохновения, вроде как кислород перекрыли – дышать нечем.

Начинаешь хватать ртом воздух, а он, то раскалённый, то слишком сухой.

Брак расхолаживает, делает мужчину беззащитным, зависимым от женщины, хрупким.

К комфорту и уюту быстро привыкаешь, порой забываешься и перестаёшь ценить.

Одно дело с огорода питаться или из леса, когда всё добыть и вырастить нужно, и совсем другое – изысканное ресторанное меню: заказал, принесли, положили, съел.

Как говорится, на тарелочке с голубой каёмочкой подали. Конечно, такой вариант тоже не безупречен, поскольку обречён на постепенное затухание остроты ощущений. Потому и тянет многих, казалось бы, счастливых супругов, на легкомысленный флирт и вероломные измены.

Семья ведь как кондиционер, даже климат-контроль, который поддерживает постоянную температуру среды обитания, необходимую влажность и движение воздуха.

Стечение обстоятельств моей жизни в данный момент

подняло градус желания любить и быть любимым до экстремального климатического предела, погрузило душу и тело в зону аномальной активности.

Выжженная пустыня на всей территории личной жизни не давала шанса радоваться жизни.

И вот опять облом.

А ведь пригрелся было на горизонте событий уютный оазис. Казалось, вот она – женщина, готовая скрасить суровые будни одинокого путника.

Конечно я понимал – где интимные отношения, там, увы, и чужие тараканы разгуливают как у себя дома, пытаются с твоими душевными травмами близко-близко познакомиться, совместно веселиться, многократно усиливая и без того напряжённую внутреннюю неуверенность. Но это издержки любой близкой связи.

Притащила же нелёгкая эту глупую подружку.

Мне особенного ничего от женщины не нужно, время и возраст научили приспособливаться, подстраиваться под любую, главное, чтобы желания, стремление к цели было взаимным.

Что касается любви, она в моём возрасте и положении не более чем приятный бонус.

Можно и без любви в классическом понимании, когда го-

лова кругом и мозг враскоряку, если есть взаимная симпатия, уважение и доверие. Были бы, как говорится, кости, а мясо нарастёт.

Именно в таком ракурсе я рассуждал, развивая отношения с Леночкой.

Подарочки, цветочки, намёки. Недаром, говорят, что удача – награда за смелость.

Похоже, и здесь не срослось, хотя я очень старался понравиться.

Ладно, делать нечего, в гостях воля не своя.

Посадил я подругу подруги, Любу, в своё авто, – отведу быстренько, – размышлял я, – и домой, к детишкам, к привычной холостяцкой жизни, где ждёт уютная постелька, пусть сиротливая, холодная, но в ней хотя бы можно выпастаться по-человечески.

Меня, мягко говоря, попросту слили. Ну, да ладно. Не всегда выходит, как хочется.

– Поехали уже, Антон... как там тебя по бабушке... а, неважно... долгие проводы, сам знаешь – лишние слёзы. А ты не плачь. Переспать с Леночкой, соколик, тебе не светит,

во всяком случае, не сегодня, – с нескрываемым сарказмом съязвила Люба, – но кто знает, что день грядущий нам готовит. Чудеса случаются, поверь. Ко мне приглядишься.

– То есть! Причём здесь чудеса... я устал, давай помолчим.

– Не нервничай, это я так – ни о чём. Она там, ты здесь. Я тоже здесь, между прочим. Здесь и сейчас. Говорю, думаю, следовательно, существую.

Я завёл мотор, тронулся.

Женщина как-то вдруг расслабилась, закрыла глаза и сходу захрапела: звонко, переливчато, со стонами.

– Выпила половину бутылки пива, неужели так развезло, с чего бы это?

Разомлевшее тело начало раскачиваться на поворотах и кочках, сползать в мою сторону.

Вскоре Люба улеглась мне на плечо, мешая переключать передачи и крутить руль.

Причёска попутчицы нагло щекотала моё лицо. Волосы пахли, как ни странно, при её-то внешности, изумительно

вкусно.

Нет, не так: они ужасно раздражали меня возбуждающими ароматами, что было совсем некстати.

– Какого чёрта она тут разлеглась, вот ведь, навязалась, на мою голову... не сиделось бабе дома!

Несколько раз отодвигал я её, усаживал ровно. Тщетно. Спит, пуская пузыри, и блаженно улыбается.

Хорошо хоть адрес успела назвать.

В нос вызывающе вульгарно лез неприлично сладостный аромат расслабленного женского тела, манящие аккорды чарующей мелодии жизни, гипнотическое воздействие которой лишало меня остатков разума.

В голову неуместным в данных обстоятельствах стремительным вихрем влетели непристойные фантазии.

Исходящий от спящей женщины аромат будил желание остановиться и наказать, просто взять и изнасиловать, чтобы неповадно было разбивать сердца наглым самодовольством, глупыми репликами, да ещё и гадкими намёками.

Я ярко представил себе, как откидываю сиденье, поворачиваю её на живот...

– Хватит себя накручивать, идиот! Понимаешь же, что никогда, ни при каких обстоятельствах не позволишь себе насилие. Тем более по отношению к этой... мымре. Не о том гредишь.

Мысли, как те скакуны из песни Газманова, проскакали галопом, споткнулись пару-тройку раз на жеребятине, которую я успел вживую представить, и затихли.

Не сезон разогревать себя эротическими глупостями. В двадцать лет можно размазывать силы, желания и мысли толстым слоем как масло по бутерброду, поскольку их избыток неиссякаем. В сорок – человек не должен растекаться, пора сосредоточиться на чём-то конкретном, определиться с тем, что важно, что второстепенно, иначе энергии на собственно жизнь может попросту не хватить.

Сегодня на повестке дня Леночка. Она, конечно, отношение своё к вопросу близости туманно обозначила, отослав подальше от себя, но ведь и не отказала окончательно.

Что, если подобное поведение происходит от внутренней неуверенности, от неловкости и стеснения?

Конечно, вела она себя странно, однако из этого ровным счётом ничего не следует. Как и в любой запутанной ситуа-

ции, где в уравнении масса неизвестных, в ответе может оказаться что угодно.

– Женщина Леночка симпатичная, видная. Может, дождю?

Тем временем мы доехали до дома расслабленной не ко времени пассажирки.

Люба окончательно провалилась в пространство сонного царства: вцепилась мне в руку, посвистывает.

Вязаная шапочка сползла на глаза. Сопит: махонькая, уморительная.

От концентрированного сгустка женского духа в салоне у меня опять закипел мозг, всё по тому же поводу – внезапное желание сбросить интимное напряжение.

Нужно быстрее с этим вопросом заканчивать и отправляться уже домой, на ночлег. В семь утра выходить на смену, времени без чего-то одиннадцать: пока до дома доберусь – пора просыпаться.

Первая попытка разбудить попутчицу оказалась неудачной. Брыкается, что-то невразумительное буровит, не приходя в себя. Сначала в лоб локтем заехала, потом обхватила как подушку, ноги под себя подвернула, уткнулась носом в плечо и дальше сопит.

Конечно, я начал нервничать, – ваша остановка, – кричу, прямо в ухо, – поезд дальше не идёт, просьба освободить вагоны!

– А, чё... какая остановка, где мы! А, это ты, – открыв с трудом один глаз, скрипящим спросонья голосом прошептала Люба, – сладкая конфетка, щедрый презент от подружки Леночки. Ты мне снился, по какому поводу – не скажу, но сон понравился. погоди секунду, не тормози, в себя приду. Извини, сморило. Двенадцать часов на конвейере отпахала... а тут невеста твоя, дура бестолковая... на смотрины вызвала. А мне оно надо, я спать хочу. Того, что она предложила, тоже, конечно. Но как-то не очень сильно. Погодь, сама проснусь. Попить что-нибудь есть?

– Нет ничего. Какие к чертям собачьим смотрины! Приходи в себя и проваливай. Я тоже спать хочу.

– Какие-какие... тебя нужно было оценить, по пятибалльной шкале. Троечку с трудом натянула. Лысый, застенчивый, двое детей, автомобильчик так себе, профессия дрянь. Не впечатлил. Ладно, собирайся, паркуй машину, пошли уже.

– Куда пошли! Приехали. Твоя станция. Выметайся. некогда мне с тобой шутковать. Между прочим, я тебя тоже в

третий класс по сумме сомнительных достоинств определил. Это я к тому, что нечего зазнаваться. Тоже мне – эксперт-самоучка. Что ты обо мне знаешь!

– Тебя зачем, солдатик, послали? За мной поухаживать. Вот и не кочевряжься. Сказала, машину паркуй, значит так и надо сделать.

– Послали, не послали! Сам кого угодно пошлю. Сопроводил до пункта назначения – дальше сама, ножками.

– Ишь ты, с бабой воевать вознамерился. Видишь, женщина не в себе, еле живая после трудов праведных. Хочешь, чтобы я по дороге заснула, чтобы утром холодный труп на лестнице обнаружили? Мне ведь на пятый этаж, без лифта. Пошли уже, ромео! Машину вот сюда, под балконы закатывай, чтобы из окна было видно.

– Раскомандовалась. Без сопливых определяюсь, куда ставить. Навязалась на мою голову. Без тебя проблем достаточно.

– Давай, давай, у меня для тебя сюрприз... от твоей Леночки. Дома вручу. Под руку бери. Вот так! Крепче. Должна же я понять – мужик ты или недоразумение. С виду вроде ничего. Ленка, похоже, сама себя перехитрить хочет.

– Шевелите ножками, мадам, да пошустрее. Я тоже не на перине валялся, пятнадцать часов за рулём, тоже на ходу засыпаю. Ты со смены, а я с одной да на другую. Мне с тобой обниматься некогда, да и желания нет.

– Это уж, извини, как получится. В гостях воля не своя. Мне подружка твоя, только не упади, за стенку держись... короче, Леночка мне тебя по-да-ри-ла... разрешила пользоваться. Как угодно понимай: проверять, дегустировать, пробовать на вкус, на цвет. Не идиотка же я от такого предложения отказываться. Последний раз живой мужик, дай бог вспомнить, месяцев шесть назад меня щупал. Соскучиться успела. Можешь сам невесту свою спросить. У меня телефон есть. Ну что, набирать?

– Да пошла ты! Не знаю, что у вас за игры такие, разбирайтесь сами. Я домой.

– Ага, уже. Кричать буду, всех перебуду. Соседи милицию вызовут. Я ведь уже почти разделась. Ты ещё грудь мою не видел. Отвечаю – как у девочки. Нисколько не вру. Завёл, обнадежил... и в кусты!

У меня и вино для такого случая припасено. Правда, закусить нечем. В холодильнике мышь повесилась. Он у меня вообще выключен за ненадобностью, не для кого холодить. И без него замёрзла. Вот ты и согреешь. Должна же я пода-

рок проверить... на качество. Может, залежалый какой, или вовсе негодный. Ты не импотент часом, Антоха, где это видано, чтобы холостяк от здорового секса отказывался!

Не ведая того, женщина выпустила из бутылки джинна. У каждого человека есть скрытые кнопки, вызывающие приступы эйфории, злости или смертельной обиды.

Нечаянно Люба наткнулась язвительной репликой на кнопку пускового механизма, передающего мощный интимный импульс.

– Ах так, это я-то импотент! Я тебе покажу, мокрощёлка недоделанная, нашла, кого в неполноценности обвинять!

Моя бывшая жена часто пользовалась этим инструментом, причём, цели могли быть разными, но результат ей нравился. Наверно, не зря.

Я сграбастал Любку в охапку, живо содрал одежду и силой наклонил её в собачью позицию.

Отбиваться дама не стала.

Это вдохновило. Но и охладило тоже – не зверь же я, чтобы насиловать.

Титьки на ощупь действительно оказались волшебными.

И животик, и талия. И зад тоже вдохновил уругостью.

А там, внизу, под пряным кустиком, так приятно хлюпало.

И запах дразнил, от которого кружилась голова.

Я ведь успел забыть этот божественный аромат, как и живое женское тепло, как ощущение лихорадочного озноба, который повелевает разумом, путает мысли, заставляет жадно хватать ртом воздух.

Остановить движение скорого поезда, когда тот разогнался, почти невозможно, если только подорвать.

В глазах странной дамы засверкали чертенята. Видимо, предшествующие события достаточно сильно распалили накопленную за месяцы воздержания сексуальную энергию.

Мы даже не стали выключать свет, что было бы логично при первом знакомстве.

Люба вдруг вырвалась, прыжком метнулась в кровать, – кто первый – тот сверху, – дурашливо выкрикнула она.

– Ну, уж, нет, моя очередь инспектировать тебя на прочность. И на вкус.

Терпения играть в кошки-мышки не было, назрела срочная необходимость исследовать влажную глубину, которая манила изысканными ощущениями. Но я себя пересилил: негоже опытному мужчине начинать интимные процедуры со сладкого.

Вкус поцелуя раззадорил, показал, что женщина ведёт се-

бя искренне, что физическое слияние для неё не главное, что она хочет большего.

И тогда мне стало страшно – ведь это по сути измена! Нельзя начинать новые отношения, пока не разобрался с предыдущей связью.

Леночке я ничего не обещал, даже поговорить серьёзно не успел, и всё же... мы не сблизились, но и не расстались.

Люба была здесь и сейчас. Такая податливая, такая горячая, такая влажная.

Кровь прильнула к её одухотворённому лицу, дыхание сбилось. Она была готова принять меня таким, какой есть.

Предвкушение волнующей радости мощно пульсировало во мне, заставляя напрягаться.

Её ноги были такими белыми, так призывно алел меж них полуоткрытый уже влажный бутон.

Я стоял перед ней на коленях, потому чётко видел, как медленно скрывается важная часть меня в недрах изумительного цветка.

Удивительно приятно чувствовать, как скользкая глубина мощно засасывает раздутый предмет, увеличивая сокращением интимных мышц компрессию, как восхитительно горячий вакуум втягивает в себя внимание, заставляя повторять и повторять замкнутый внутри её тела цикл возбуждающих движений.

С женщиной творилось нечто невероятное. Она закрыла глаза, сжала губы, перестала дышать, подтянула к груди ноги,

напрягалась. Потом резко дёрнулась, останавливая руками моё путешествие в глубинах интимного космоса, – замри!

Сладкие судороги исказили её лицо, сотрясали тело, в то время как я не в силах был прекратить неистовый выброс неконтролируемых эмоций.

Отдышавшись, дождавшись, когда спазмы затухающего оргазма покинут остывающие в любовном изнеможении мышцы, мы, не сговариваясь, захохотали.

– Пожалуй, – пошутила Люба, – оценка оказалась несправедливой.

– Я тоже так подумал.

Пришлось повторить всё сначала, теперь уже без спешки – вдумчиво, со вкусом.

Потом ещё раз, и ещё.

Сбросив застоявшуюся за долгие месяцы безбрачия энергию, мы голышом уселись друг против друга. Спать уже не хотелось.

Курили, с наслаждением потягивали из бокалов красное вино, легко и непринуждённо беседовали, словно не было между нами неприязни, будто знаем друг друга всю жизнь, с самого рождения.

Напиток оказался так себе, но пьянил. Дым и беседа добавляли романтики. Пришло время для откровенности. Ви-

димо накопилось в нас всякого, в основном шелухи, состоящей из обид и разочарований.

Делились впечатлениями, забавными и драматическими историями из прошлого, перебивая, обнажая до доньшка изнанку души.

Когда закончилось вино, разговор объединил мысли в нечто цельное.

Мы обнялись, теперь уже искренне, с чувством.

На её глазах блестели слёзы искренней признательности. Я тоже был до крайности растроган случившимся.

Наши судьбы оказались чем-то неуловимо схожими. Иногда мне удавалось предугадать следующий поворот в сюжете её повествования, потому, что в моей жизни такие события тоже имели место.

– Давай, сгоняем в ночной магазин, купим ещё вина. Мне давно не было так уютно, так хорошо в собственной квартире, – предложила Люба.

– А давай! Я тоже давно не был таким счастливым. Удачно меня подарили. А что мы скажем твоей подруге, ведь она

наверняка не рассчитывала на подобный результат?

– В каждой шутке есть доля шутки. Сама виновата. Завлекаться подобным образом жестоко и глупо. Её проблемы. Как услышала, так и поступила. А на тебя я просто рассердилась, когда прогонять стал.

– Ну и ладно, тогда поцелуй меня.

Мы долго, со вкусом целовались. Потом вспомнили желание купить вина. Оделись и пошли в ночной магазин.

В павильоне полусонная скучающая продавщица слушала Софию Ротару на молдавском языке. *Романтикэ – мье тристеця ши инима, романтикэ – кэрунтеця ши лакрима, романтикэ сингурия, сау ку драгост я романтикэ вой рэмыня*, – с чувством голосила певица.

Мы быстренько выбрали вино. Чтобы не ходить лишний раз, взяли две бутылки, ведь разговор, судя по всему, нам предстоял напряженный и долгий.

Вдобавок приобрели сигареты и закуску.

Люба вышла покурить, я остался расплатиться.

Неожиданно на улице раздался душераздирающий женский крик.

Я выскочил как подорванный.

Кричала Люба. Оступилась на ямке в асфальте, которую не заметила в темноте, подвернула ногу. Лежит как раненая птица и кричит от боли.

Подскакиваю к ней, пытаюсь поднять.

Крик был услышан не только мной, ещё двумя широкоплечими молодчиками с явно бандитскими физиономиями и желанием хоть как-то развлечься.

– Он, – спросил один из них, показывая на меня.

Люба неоднозначно покачала головой. Не дождавшись ответа, бравые молодцы начали меня с энтузиазмом мутузить.

Это были серьёзные специалисты по боям без правил. Во всяком случае, после третьего или четвертого удара я уплыл в темноту.

Отлетая в нирвану, я падал и падал, проваливаясь в бездонную пропасть глубокого ущелья, спиной вниз, чувствуя нарастающую скорость и неминуемое приближение твёрдого дна.

– Вот и всё, сейчас всё закончится, – подумал я.

Не знаю, как долго я был без сознания, мне показалось, очень долго.

В небе забавно кружились звёзды, описывая динамично крутящиеся эллипсы, в голове раздавался размеренный звук набегающего и затухающего прибоя.

Я никак не мог сфокусировать зрение, включить звук. Видел только сильно размытое, заплаканное лицо Любы, беззвучное шевеление её губ, движения рук, напоминающие взмахи птичьих крыльев.

Попытался подняться.

Тело не удавалось сбалансировать, в голове стреляло, в глазах отрывались кусочки чего-то и плыли, плыли.

Забавное состояние. Самое оно для искателей вечного кайфа.

Несколько неудачных попыток и, наконец, удача – могу стоять.

Медленно, сначала шёпотом, потом нарастающим шквалом, проявлялись звуки.

В голове отчётливо зазвучала песня Романтикэ.

Я её сразу узнал, эту песню.

Значит ещё не на том, явно на этом свете, что уже замечательно.

– Почему не встаёт Люба! Кажется, она упала. Неужели до сих пор валяется на холодном асфальте! Поднять, немедленно поднять.

Пытаюсь что-то сказать, но не могу разжать губы. Потрогал пальцами. Вместо них горячие налитые вареники. И кровь. Много крови.

Сплюнуть не удаётся. Похоже, распухло всё лицо.

А Люба не встаёт. Наклоняюсь, пытаюсь захватить за плечи. Не хватает сил.

Пробую ещё и ещё. Она кричит от боли.

Нельзя же так сидеть до утра. Что-то нужно предпринимать.

Сумку с вином и продуктами шутники прихватили с собой. Да, теперь нам понадобится более сильное успокаиваю-

щее средство.

Купил две бутылки водки и батон колбасы. Обшарить карманы любители подраться не догадались. Две бутылки – в самый раз. Только бы не разбить по дороге.

И Любаньку донести.

Как я поднимал подругу, как тащил, осталось секретом даже для меня.

Двести метров по прямой, потом на пятый этаж.

Она орала от каждого движения. Разбудили весь подъезд.

Люди смотрели в щели дверей и тут же закрывались, увидев странную парочку.

Добрались.

Я умылся. Губы толщиной с сосиску, заплывшие глаза, сизый нос, опухшее ухо чёрно-лилового оттенка, вывернутое плечо.

Погоуляли, однако!

У Любы, скорее всего, перелом. Ногу в ступне раздуло – смотреть страшно. Только что не лопается, и невыносимая боль.

Разлил по стаканам водку, которая пилась как вода, но настроение улучшилось.

Жизнь-то налаживается.

Попытка вслух посмеяться над своими приключениями удалась, – живёшь – хочется выпить. Выпил – хочется жить.

– Вот теперь, Любаня, я обязан на тебе жениться, кажется так?

– Ну что вы, сэр. Это я во всём виновата. Кто, если не я, затянул нас во всю эту авантюру? Кто бы мог подумать. Какие, однако, сволочи попались. Думаешь, они хотели помочь мне? Как бы ни так. Они и мне врезали... ногой под дых, чтобы не орала. Потом сумку с продуктами забрали, и ушли. Ты на меня злишься?

– Было весело. Мне понравилось путешествовать с тобой по разным мирам. Дай потрогаю ногу. Как тебя так угораздило! С этого всё и началось.

– Очень больно. Не нужно мять. Как ты в таком виде на работу пойдёшь?

– Спроси что-нибудь полегче. Например, на какие шиши теперь я буду кормить детей. Я ведь водитель. Денежных за-

пасов никаких. Пока рожу от макияжа не вылечу, придётся сидеть дома. Тебе теперь тоже не скоро на работу, даже если это не перелом. Зато у нас куча свободного времени, относительно свободного, чтобы общаться. Мы ведь теперь знаем, чем заняться! Всё успеем друг другу рассказать. И показать. Я правильно понял! У тебя ещё не пропало желание продолжить свидание?

– А давай. Я ещё не всё оценить успела. Чёртова нога. Но осторожненько, думаю можно.

– То же самое хотел предложить. Будет забавно. Представляю двух раненых динозавров, умирающих от боли, которым приспичило заняться сексом. Такой кайф, наверно, исключительно для нас, убитых горем романтиков. И сейчас мы его испытаем. Ты Любка, прелесть! И... и уже мне нравишься. Честно-честно, заработала твёрдую четвёрку. Как здорово, что меня тебе так вовремя подарили.

– Скажи честно, я тебе действительно нравлюсь?

– Как тебе сказать, чтобы не обидеть...почему немножко-то? Очень даже множко. Но у меня прицеп – девочка и мальчик. Мальчик, вот... и девочка.

– У нас, Антон. Это у нас мальчик... и девочка.

– Ты чего это – замуж напрашиваешься?

– Вроде как. У меня своих детей нет, и не будет. Неудач-

ный аборт, ещё в юности. Я ведь дважды вдова, девчонкой первый раз замуж выскочила. Вбила себе в голову, что сначала надо на ноги встать, а потом рожать. Вот, сам видишь – прилетело. Встала не на ту ногу. Так решил или нет? Два раза предлагать не собираюсь.

– Так мы же познакомиться, как следует, не успели.

– В процессе познакомимся. Прямо сейчас и начнём.

Прошёл месяц или немного больше. У Любы сняли гипс, мои синяки полностью зажили.

Удивительно и странно, но мы как-то сразу стали полноценной семьёй.

В один из дней захотелось нанести визит вежливости Леночке. Было желание сказать ей огромное спасибо, выразить благодарность за подаренную любовь и семейное счастье.

Мы не поскупились, купили хорошее вино, замечательную закуску, цветы, торт.

Леночка нас на порог не пустила. Обиделась.

А НОЧЬ БЫЛА КАК МУЗЫКА, КАК МИЛОСТЬ

А мы купались... И вода светилась...

И вспыхивало пламя под ногой...

А ночь была как музыка, как милость

торжественной, сияющей, нагой.

Вероника Тушинова

Время летело, странно пульсируя. Иногда оно тянулось, а то вдруг начинало перемещаться гигантскими скачками. Выходишь в понедельник на работу, а уже пятница. Впереди два бесконечно длинных томительных дня, когда нет ничего, кроме тоскливого одиночества.

Несмотря на это никого не хочется видеть.

Совсем никого.

София, не Софья, а именно София, внешность имела

миловидную, привлекательную, и фигуркой могла удивить многих, но относилась к своим несомненным эстетическим достоинствам равнодушно.

Женщина не пользовалась парфюмерией и косметикой, предпочитала для украшения лица пощёчины, вызывающие пылающий румянец, укусы для наполнения кровью и усиления цвета губ.

Глаза у неё были яркие от природы, волосы здоровые и блестящие, кожа удивительно нежная.

Преимуществами фигуры София тоже не пользовалась – носила объёмные свитера и блузки, просторные брюки с высоким поясом и выточками, туфли без каблука.

Ей интересовались мужчины, испытывали заметное возбуждение в её присутствии, испытывали симпатию, даже весьма активно. София сама иногда предпринимала попытки познакомиться с интересным кавалером.

Романтические эксперименты обычно ни к чему серьёзному не приводили. Не было в отношениях с ними того, что однажды, восемь лет назад, с ней происходило.

Тогда, в девятнадцать лет, её рассудок был взбудоражен

общением с мальчишкой, который учился в том же институте, что и она.

Некая колдовская сила заставила Софию сконцентрировать внимание на Северьяне без остатка. Чем именно привлёк девушку этот парень, она не понимала. Он в один миг стал для неё всем.

Девочка почти полгода бредила любовью, чуть не вылетела из-за избытка эмоций с курса.

Сева был обходителен и ласков. От его прикосновений София едва не падала в обмороки. То же самое происходило с девушкой ночами, стоило только представить встречу с любимым.

Мальчишка имел у девочек успех, но любить, способен не был.

Северьян грубо порвал связь с Софией, как только добился её интимной благосклонности.

Было больно. Девочка долго находилась в депрессии, много раз замышляла уход из жизни, даже писала прощальные письма для родителей.

Если бы не Ромка Шершнёв, друг детства, раз за разом

спасающий Софию от рокового шага, возможно, её уже вспоминали бы только в дни рождения и смерти.

Ромка был настоящим другом.

С тех пор как её предали, отношения с мужчинами больше не складывались. А Ромка...

Ромка, это Ромка – он особенный. С ним можно говорить обо всём, даже о том, о чём с мужчинами вообще нельзя беседовать.

С ним всегда замечательно, но у него была девушка, Катя Рохлина. В их отношения София не лезла, никогда не спрашивала, а Сева мог сколько угодно слушать, но сам не любил распространяться на интимные темы.

Она часто всматривалась в лицо его юной подружки, пыталась прочесть, как та к нему относится, даже немного ревновала, но не как к любимому, как к человеку, который уделяет ей слишком много времени.

Единственное, чего София знала точно, что любовь у этой парочки было вовсе непростой. Месяцы пылких чувств, крутых эмоциональных выражений, перемежались неделями молчаливых конфликтов и вялотекущих ссор, частыми расста-

ваниями, телефонными баталиями.

Несмотря на сложности отношений, это была настоящая любовь, иначе, почему бы упорное интимное сражение, странный романтический поединок, длился больше пяти лет.

Роман сильно страдал оттого, что не мог отыскать точку равновесия, а София чувствовала себя предельно одинокой.

Ромка не приходил, не звонил, не давал о себе знать. Похоже, между влюблёнными происходило что-то весьма неприятное, возможно драматического характера.

Девушке было ужасно жалко друга. На его интимные неприятности наслаивались собственные болезненные переживания. Она много думала об их отношениях, таких искренних и близких, но отстранённых и далёких от чувственной сентиментальности одновременно.

София не могла понять своих чувств к нему. Всех мужчин она неизменно сравнивала с Романом. У каждого находила массу изъянов и несоответствий, а у него таковых не наблюдала.

Что-то в их дружбе было не так.

Но что именно!

Девушка невыносимо нуждалась в любви, мечтала о волнительных свиданиях, грезила взаимными чувствами, но особенными, такими, когда можно быть уверенной в том, что это чувства взаимны на все сто процентов, и даже больше.

Такого человека она знала только одного – Романа.

Но он друг, а это совсем иной вектор отношений. Нельзя путать одно с другим.

Да, случались и у них моменты нечаянной, спонтанной близости. София много раз позволяла Ромке обнимать себя, утешать, даже поцелуи в губы случались, но не трепетные, скорее отеческие. В них не было страсти.

Роман видно просто не знал другого способа успокоить подругу, передать ей энергию уверенности и теплоту искреннего участия.

Софии казалось, что он делает это с определённым безразличием к её цветущей женственности, невыразительно, слишком сдержанно и невозмутимо.

Друг никогда в такие моменты не переступал опасной чер-

ты, не давал повода почувствовать своё мужское эго в возбуждённом состоянии.

Он утешал её как ребёнка.

София понимала, чувствовала, что любой молодой мужчина в отношениях с женщиной неизменно обязан подчиняться древнейшему рефлексу – инстинкту самца, более настойчивому и сильному, чем глубокие доверительные чувства, присущие дружбе, что Ромка не исключение, что он тоже подсознательно мечтает о близости. Но ничего подобного, никакой страсти в отношении себя от него не видела, не чувствовала.

Казалось, он был холоден даже тогда, когда целовал в губы.

Ромка ни разу не дотронулся похотливо до её груди, не дрожал, проводя ладонью по её лицу, не прижимал с вождением, которого невозможно не заметить.

София тоже почему-то не могла воспринимать его нежность как интимную ласку.

Роман не такой.

А какой он, какой? Почему мысли о нём занимают так

много сил и энергии? Ведь он просто друг. Просто друг.

А если совсем непросто!

Ромка не был стеснительным, запросто мог намекнуть в доверительной беседе, что не прочь переспать с ней. Но делал это деликатно и так тонко, что это можно было принять за шутку, хотя звучала она как восхищение.

Когда между Ромкой и Катей проскакивали искры раздора, София в свою очередь начинала реанимировать его искаленную душу, тоже сближением тел и душ.

Иногда в такие минуты они лежали на кровати, тесно прижавшись, передавая друг другу взаимное тепло, искреннее участие и нежность, способную исцелять.

Роман бережно гладил Софию по голове, легонько перебирал её шелковистые локоны, уткнувшись носом или губами в шею. Иногда они вместе плакали. Выразить подобным образом эмоции в её присутствии друг никогда не стеснялся.

Было приятно, уютно срастаться телами, их осязаемо обволакивало восхитительно чувственной истомой и братской нежностью.

Ромка несколько раз опосредованно, как бы невсерьёз,

предлагал начать интимные отношения, ласково заглядывал в глаза, словно проверял реакцию.

София считала, что уступать невнятной дружеской настойчивости, потакать минутной слабости, нельзя – это обстоятельство, наверно приятное само по себе, может разрушить многолетнюю дружбу.

И вот, ей уже двадцать семь, а настоящей любви, такой, чтобы раз и навсегда, всё нет и нет. Теперь и Ромка куда-то исчез из её жизни.

Зато мысли о нём и невнятные, но очень настойчивые чувства всегда оставались с ней, даже в ней.

София всё чаще думала о Ромке, представляла, как они лежат, обнявшись, как он...

Как он, почему он?!

Да, да, да! Она много раз представила, как целует Романа, как они... не так, как обычно, слишком чувственно для обыкновенной дружбы.

Волна напряжения прокатывалась по телу, кровь прилиwała к лицу, к груди. Жар и трепет опускался ниже, ниже,

вызывая томительную сладость и там, и там, и вообще везде.

С того дня подобные грёзы накатывали всё чаще, позже и вовсе стали постоянными, продолжительными, весьма энергичными.

Когда Ромка пришёл в очередной раз и неожиданно предложил съездить на море, София согласилась сразу.

Они сняли в гостинице общий номер, гуляли по набережной, лазили по скалам, заплывали далеко в море, загорали в обнимку, спали в одной кровати.

Так продолжалось целую неделю.

В один из дней друзья отправились после ужина в ресторане купаться ночью.

Было весело. Они чувствовали некое неразрывное родство, были благодарны друг другу за искреннее дружелюбие, за терпение и понимание, за неизменную готовность помочь, за то, в самых сложных жизненных обстоятельствах всегда оказываются рядом.

Толика алкоголя подогревала интимное любопытство, притупляла стеснительность и осторожность.

Друзья разделись, решили купаться нагишом.

Такой степенью откровенного доверия они прежде не злоупотребляли. Одно дело обниматься, чтобы успокоить и успокоиться, совсем другое – сознательно провоцировать интимный интерес. Находиться рядом и не дотронуться – кто способен выдержать подобное испытание!

Ярко светила Луна, отражаясь в спокойной морской воде, мерно накатывали на пустынный берег тёплые волны.

София впервые видела Ромку без одежды. Она вообще первый паз видела голого мужчину, хотя не была девственницей.

Слияние с Северьяном всегда происходило в полной темноте. Она даже не видела выражение его лица, только чувствовала желание. Своё и его.

Но это было слишком давно и уже перестало быть правдой.

Друзья просто играли, просто развлекались.

Просто, очень обыденно и просто, как бы шутя, дотрагивались до того, что прежде было скрыто не только покровами одежды, но и моральными ограничениями.

Они не знали, не понимали, что уже не смогут остановить-ся, что сейчас делают именно то, о чём неосознанно, но на-стойчиво мечтали и думали.

Дотрагиваться до Ромкиного тела было удивительно при-ятно, его ласковые поглаживания останавливали дыхание. Нежный, но глубокий поцелуй вскружил голову.

Оторваться друг от друга не было сил.

София мечтала, ждала, что прямо сейчас Ромка сольётся с ней.

Она этого так хотела, причём давно. А сколько раз девуш-ка прокручивала в воображении этот счастливый момент, не сосчитать. Она давно прочувствовала каждую секунду ин-тимного единения, каждое прикосновение, каждый вдох и выдох.

Ромка – дрожал, с силой прижимая её бёдра, нежно мял груди. Ещё немного и он перестанет собой владеть.

– София, девочка, ты действительно этого хочешь?

– Да, да, да, да! Не задавай вопросов, пожалуйста... мне так хорошо, но так стыдно!

– Я не хочу, чтобы это чудесное мгновение происходило здесь, на берегу. Давай потерпим до гостиничного номера. Я буду обнимать, целовать тебя, на белых простынях, при ярком свете, потому что хочу видеть всё, ведь для меня это будет впервые. Если ты позволила мне стать ближе, я хочу запомнить этот сладкий миг навсегда.

София молчала. Она была согласна на всё, но боялась, что Ромка или она сама могут передумать, струсить.

После того как всё произошло, друзья, впрочем теперь непонятно, кем они стали, в перерывах между приступами любви долго и очень откровенно разговаривали.

Теперь они могли рассказать друг другу обо всём. Даже о том, что почти все конфликты с Катей происходили именно оттого, что в моменты близости он случайно называл её Софией.

Ромка всегда мечтал, что София будет его женой, но никогда не решился бы это озвучить.

То же самое происходило с Софией.

Им повезло, что хотя бы через столько лет друзья смогли признаться в искренних чувствах.

Будущее показало, что они замечательная пара, способная к серьёзным отношениям.

Домой ребята вернулись мужем и женой, а вскоре узнали, что с большой вероятностью стали родителями.

Безумное счастье

Завести себе осень с глазами щенка-лабрадора,

Написать на ошейнике имя на случай пропажи –

И уехать с ней в дальний, огромный какой-нибудь город,

Где никто никому ничего про тебя не расскажет...

Анна Полетаева

Сергей, прижимая смартфон к уху, нервно расхаживал по комнате. Звонок жене был необходимым ритуальным действием.

Ли́ка уже неделю была в командировке, детей на всё лето отвезли к её родителям. Казалось бы, можно расслабиться, окунуться с головой в гораздо более приятные отношения со Светой, но у неё, как назло, что-то странное происходит с мужем. Любовница которой уже день отказывалась встречаться.

Витька, её супруг, ни с того ни с сего расчувствовался, чего никогда прежде не случалось. Лез к жене с обнимашками, достал поцелуями, таскался за ней, встречал, провожал.

Может, узнал чего-нибудь про интимную, совсем не целомудренную связь жены с Сергеем, или с любовницей, должна же она у него быть, поссорился С чего бы ему так нерв-

ничать, так неожиданно увлечься собственной женой!

Жили и жили, каждый сам по себе, давно и прочно надоели друг другу. Женились-то не по любви – по залёту.

Возвышенные чувства закончилась почти сразу с рождением сына, можно сказать, не даже начавшись.

И вдруг такие нежности.

Витёк – мужик обычно спокойный, сдержанный, предсказуемый. Раз в неделю он равнодушно, даже с ленцой, но обстоятельно, традиционным способом исполнял супружеский долг.

В субботу с утра у них был ритуальный семейный поход в кино или в театр, потом ресторан. Ну и постель вечером, не без этого. На этом их интимное общение обычно заканчивалось, если не считать совместных завтраков и ужинов с вежливыми улыбками и поцелуем по завершении трапезы.

Сергей любовницу к нему нисколько не ревновал, потому что сам жил в схожем режиме. Жену он любил два, иногда три раза в неделю, а со Светкой встречался, когда удавалось создать достоверную легенду о срочной занятости и совместить с её свободным временем, что случалось не очень часто. А хотелось большего.

Светка паниковала. Женщина, понятное дело – переживает, мнительная чересчур, боится, что он о встречах проведет.

Так ведь рано или поздно всё равно узнает. Обрубить всё разом – всем станет легче.

На ревность странное поведение её мужа совсем не похоже. Наверняка, это неудача на левом любовном фронте. Сам не живёт нормально и Светке не даёт.

Сколько раз говорил ей – пора с любовью на белый свет выходить. Сколько можно как подросткам по кустам шариться!

Любовь в неволе не живёт. А у них что происходит, что творится! Словно дети малые: тайные встречи непонятно где и как, записочки в тайнике, звонки с телефонных автоматов, строгое соблюдение конспирации.

Редкие безумные встречи, которых невозможно дождаться, зашифрованные разговоры.

Витька каждый раз радостно, чуть не спотыкаясь, бежал к Светке на свидание, как прыщавый первокурсник. Впрочем, сколько раз действительно падал, забываясь от нетерпения, не замечая дороги. Однажды в канализационный люк провалился, сколько раз с деревьями бодался, однажды едва под машину не угодил.

Светка, она такая... да что там говорить... ну, почему он Анжелику раньше встретил, вовремя! Зачем судьба свела его не с той, и Светку не с тем!

Лица неинтересная, скучная, чужая какая-то. Обнимая жену, он давно не ощущает восторга.

Но она – мать его детей. Так уж вышло, теперь сложно что-то в жизни менять. Но так хочется.

Когда это началось, почему они вообще поженились!

Сергей множество раз задавал себе этот нелепый вопрос и не находил на него ответ. Любви между ними точно не было. Было неистовое желание совокупляться.

Однажды на студенческой вечеринке он пригласил Лику на танец, вдохнул аромат её разгорячённого тела и утонул в соблазне.

Анжела не ломалась, не сопротивлялась. Покорно дала себя раздеть, смиренно улеглась на спину, безропотно раздвинула бёдра. Правда лежала неподвижно с закрытыми глазами.

В тот миг Сергей ликовал.

Лица была его первой девушкой.

Светка вторая. И наверно последняя. Таких как она, поистине волшебных, не бывает.

Секс тогда, в далёкой юности, прочно завладел его сознанием, став наркотиком. Нужно было что-то делать, чтобы ежедневно, а то и по много раз в день, получать необходимую дозу интимной близости. Вот он и женился.

Два года супруги не выходили из спальни.

Однажды Сергей вдруг понял, что Анжелика никогда не принимает участия в любовных играх, просто позволяет себя иметь, не проявляя ровным счётом никаких чувств.

Странно, что заметил он это лишь тогда, когда родился Ромка. Два года он провёл в блаженном оцепенении, в непонятном гипнотическом трансе, жил галлюцинациями с иллюзией любви.

Хорошо ему было? Кажется да. Теперь он в этом не уверен.

Однажды болезненно сладкое наваждение спало, мистический морок рассеялся. Сергей начал задумываться, вглядываться, замечать то, что оставалось всё это время за кадром.

Анжелика была обыденной, заурядной, скучной. Вполне надёжной, но совсем чужой.

Она всё делала неторопливо, с явным безразличием. Механически наводила видимость порядка, готовила быстро, но невкусно, равнодушно общалась с детьми и с ним, привычно справлялась, требуется ли сегодня секс.

Светка совсем другая – восторженная, жизнерадостная, нежная, до того чувствительная, что энергии её эмоций, насыщенных искренней радостью, хватает на двоих.

Сергей обычно забирал любимую через два квартала от её дома. Уезжали как можно дальше и разговаривали, разговаривали, разговаривали.

Обо всём на свете. Тем и поводов для бесед в разлуке накапливалось столько, что все не переговорить.

Именно так. Со Светой можно было обсуждать что угодно, любой диалог превращался в романтическую новеллу.

Она зажигалась от всего, от чего угодно. Восхищалась им, погодой, хвалила, ликовала по любому поводу, и даже без повода, упивалась близким общением, и вообще радовалась жизни во всех её проявлениях.

Света млела от одного его взгляда, таяла, дрожала даже от мимолётных прикосновений, безудержно целовалась, сливаясь с ним в невыразимом экстазе. Её несдержанная чувственность резонировала с его интимными ожиданиями, предвкушениями грядущего блаженства, с любыми, даже самыми нескромными желаниями.

Светка всегда чувствовала его, словно считывала мысли: о чём он думает, о чём мечтает.

Сергей хотел эту славную женщину всегда, даже когда той не было рядом, ещё сильнее. Наверно в разлуке он нуждался в ней гораздо больше.

Встречаясь, они ездили в соседние города, подолгу бесцельно бродили по незнакомой местности, держась за руки. Светка резвилась как маленькая девочка, звонко смеялась, отчего всё внутри у Сергея замирало в восторге.

Странно, но рядом с ней он часто забывал о сексе, хотя это всегда непременно случалось. Сливаясь в любовном экстазе, оба сходили с ума от безграничного количества счастья.

Сергей чувствовал её сердцебиение, улавливал ноздрями восхитительный запах. Он не мог жить без Светкиных прикосновений, без звука милого сердцу голоса. Целуя, Сергей становился невесомым, словно терял сознание. Ему казалось, что проваливается в бездну блаженства.

Вдвоём было хорошо, сладко, и блаженно лениво.

Потом всё внезапно заканчивалось.

Погостив в Светкиных мыслях, испив нектар её губ, про-

никнув во влажный интимный тайник, сроднившись с её нутряными средами, обязательно приходилось расставаться.

Любимая женщина отправлялась к себе домой, обнимать нелюбимого мужа. К Сергею в кровати прижималась Лика.

Она любила спать, закинув на него ногу.

Перед сном Сергей всегда находил возможность улизнуть из дома, хотя бы на несколько минут, чтобы поговорить со Светой из автомата, пожелать ей спокойной ночи. Он просил её прикладывать микрофон к сердцу и слушал, слушал, млея от наслаждения, ритмическое биение, словно самую лучшую музыку на Земле.

Как же сильно он её любит!

Оба не раз пробовали расстаться.

Не вышло.

Не увидев друг друга несколько дней, они начинали сходиться с ума.

Ведь она – чужая жена.

Чужая!

Разве нормально, разве правильно так жить!

Сергей разговаривал с Ликой, исполнял супружескую повинность, повторяя бездумно привычные, ничего не значащие фразы, мечтая о том, чтобы быстрее закончить ритуальный танец, и заняться более серьёзным делом – мыслями о Свете.

Он истомился, устал без любимой, которую сейчас, прямо сейчас, сию минуту, он был в этом уверен, целует Витька.

Как же хотелось увидеть её, обнять, прижать к сердцу, а потом посадить в машину и уехать далеко-далеко, чтобы никто никогда не смог их найти.

С ней можно всю жизнь бродить в непроходимом лесу, упасть под штормовой снегопад, замёрзнуть едва не до смерти, потом, дрожа и стуча зубами, запросто согреться любовью.

Со Светкой любое занятие – праздник души и сердца.

Как же хочется слышать её голос, проводить щекой или губами по нежной шее, засовывать холодный нос в тёплое ухо, прижимая крепко-крепко, дышать поцелуями, входить и выходить из тёплой податливой плоти.

Ему недостаточно просто знать, что она есть.

Будь что будет. Сейчас он поедет к ней домой и...

Верь в судьбу

Любая Жизнь – спасибо, что ты есть!!!

Хотя тебя всегда настолько мало...

И многих ты нещадно обломала,

Чему примеров попросту не счесть!...

Валерий Столыпин

Генка в состоянии зыбко-тревожного забытья сидел за столиком уличного кафе с размокшим уже бумажным стаканчиком остывшего кофе и грезил, облачая невесёлые мысли в примитивно созданные сознанием образы из популярных мультиков и странные ассоциации.

Что ещё оставалось ему делать, когда представляя любовь, не чувствуешь её истинного очарования, ваяешь эмоции и образы по памяти, которая подчиняется не рассудку, а эмоциям, пережившим непредвиденное.

Нарисованные воображением изумрудные глаза Жанны вместо чистоты и свежести, вместо страстного желания жить, вместо гармонии и умиротворения, вызывали стойкое неприятие. Копна шелковисты пшеничных волос аппетитным с запахом спелого абрикоса непривычно представлялась пучком сухой соломы, упавшим в болотную жижу, прежде чем превратиться в её причёску.

Губы, такие сладкие и родные прежде, вызывали приступ отвращения, а телесное тепло вызвало озноб.

Генка злорадно кроил в воображении образ жены с бугорчатой жабьей кожей, с длинным раздвоенным языком неприятного фиолетового цвета, с которого сочится густая ядовито-жёлтая слизь. Чёрные губы, хищные клыки, зелёные глаза, испускающие смертоносные лучи.

Пусть, пусть её любовник целует и ласкает именно такую, сотканную из пороков и отвратительных черт дьяволицу, лишь схематично, извращённо напоминающую его жену, некогда любимую.

Видение получилось настолько реалистичным, что напугало его самого, но остановить полёт фантазии, вызванный вероломным интимным предательством, не было сил.

Грудь, упругие холмики в форме колокольчиков, от которых он сходил с ума, ллучше бы их вообще не было, этих сладких соблазнов, лукаво манящих святой непорочностью, вскормившей каждого человека, живущего на грешной Земле.

Генка видел блаженное выражение на её лице, когда рука чужого мужчины касалась тайны, до той поры доверенной исключительно ему.

Это было ужасно.

В памяти всплыла угловатая миниатюра юноши и крошечная девочка в коротенькой развевающейся юбочке. Это он, Генка, держит Жанну за руки, с надеждой вглядываясь в травянистые глаза до краёв заполненное энергией влюблённости.

Её щенячий, наивно-испуганный взгляд, эмоциональная реакция на признание в романтических чувствах, от которого Генку сковал леденящий душу страх, а по спине покатились капельки пота и мурашки размером со шмеля, заставил поволноваться.

Девочка всхлипнула, закусила губу, опустила глаза, набухающие солёной влагой, и упала на его грудь.

Этот день он запомнил навсегда.

С тех пор прошло... да разве можно мерить годами и днями целую жизнь!

Память и возбуждённое воображение рисовали сцену за сценой мгновения безмерного блаженства, случившегося тогда.

Узнаваемые фигурки двигались навстречу друг другу: танцевали, резвились, сливались в экстазе на фоне солнечного диска или лунного сияния, изредка расставались, но всё равно были связаны некой таинственной нитью, объединённые трепещущей живой сущностью, графически похожей на символ любви.

Ппульсирующий значок в виде кроваво красного сердца ликовал вместе с ними: радовался, иногда горевал, страдал и волновался. Переживал, тревожился, скучал. Одно сердце на двоих, всегда живое, жизнерадостное, родное, своё.

Когда мальчик и девочка делились друг с другом чувствами, даже когда ссорились, неугомонный бесёнок расстраивался, но был счастлив, только они этого не замечали: не до

того было.

Но однажды... в тот памятный день Гена сидел в кафе, на том же месте, что сегодня. У него была суматошная, но очень удачная неделя: некая мистическая сила одаривала его небывалым азартом, куражом, и необыкновенным везением.

За что бы ни взялся, что бы ни делал – всё цвело и плодоносило: ведь старался он для любимой.

Трепещущий чертёнок в груди ликовал вместе с ним.

Любовь щедра.

Неожиданно Генка увидел её, Жанну, которую уверенно и жадно целовал кучерявый ухоженный мужчина, похожий на Ричарда Гира, по-хозяйски прижимая жену за филейную часть тела.

Судя по всему, удовольствие было обоюдным.

Ошибиться в реальности трагедии было невозможно, поверить в неё – немислимо.

Любовь, точнее её графическая копия, похожая на Жанкины ягодицы, выпрыгнула в то мгновение из его груди, камнем упала под ноги, забилась в истерике и закатилась в давно не чищенный водосток.

Этот эпизод Генка крутил и крутил в замедленном темпе вот уже несколько дней, провоцируя эмоциональное разрушение.

В тот день он спрятался за стёклами витрины кафе, позвонил Жанне, надеясь на что-то иррациональное, мистическое. Жена ответила, зажав любовнику рот ладонью, чтобы

не выдать себя.

– Чмоки-чмоки, любимый. Меня не жди. Зашиваюсь. Скучаю, люблю.

Сказав это, Жанна прыснула, послав телефонной трубке воздушный поцелуй, прижалась всем корпусом к мужчине, выпрашивая очередной поцелуй.

Кто хоть раз бывал в подобной ситуации, знает, что чувствует обманутый супруг.

Генка переживал мучительно, но напиваться или мстить не стал: рассудил, что романтическое приключение – не обязательно измена. Случайная связь может оказаться ошибкой, головокружительным аттракционом, забавой, реализацией наивной фантазии, иллюзией, пикантным продолжением невинного флирта: мало ли какие обстоятельства заставляют человека ввязаться в интригу.

Разговор по душам, откровенность, искренность – вот ключ, способный сместить, изменить мировосприятие, решил Генка и приступил к реализации операции “Примирение”.

Жанна вернулась далеко за полночь. В её поведении не было ничего необычного: обязательный поцелуй, плавные кошачьи движения, шутливо-легкомысленный флирт, откровенные эротичные позы, беззаботность, игривость.

Неужели он совсем не знает свою жену! Оказывается, она замечательная актриса.

Уверенность, беспечность, очаровательное чувственное

бесстыдство, откровенно выраженное желание встретиться в постели, даже изображение страсти далось ей на удивление легко.

Это же она, любимая жена, это Жанна, но разве это она!

Заготовленные заранее вопросы, отрепетированная линия поведения, план наступления и защиты – всё было сломано в одно мгновение.

Слова и мысли застряли где-то внутри, когда любимая привычными движениями возбудила его, вынудив заменить банальное выяснение отношений чувственным поединком без штанов, когда для объяснений и выяснений не остаётся места.

Генка не мог не поверить в искренность её поведения, но сопротивляться тоже не было сил.

В отместку он представил себе, что доминирует, что хоть так наказывает коварную обольстительницу.

Яркий блеск глаз любимой как магнитный компас задавал нужное направление мыслей и действий, запах страсти настраивал порядок и ритм интимных движений. Сердца супругов бились в унисон, унося их эмоции, но не их самих, в мир грёз, где нет, где не может быть проблем и противоречий.

Генка был настолько вдохновлён процессом, что блаженство выливалось из него шквалом бурных, но весьма противоречивых эмоций.

Он с наслаждением, но грубо, ласкал горячую грудь, жад-

но ловил ртом возбуждённые соски, стараясь прищемить их губами, целовал взасос вишнёвые губы и входил, очень мощно входил в эпицентр наслаждения, едва не к голове заворачивая ноги, звонко шлёпая животом о её бесстыжие ягодичцы, теряя, тем не менее, связь с пульсирующей реальностью.

Он явно ошибся. Не может, не способна Жанна так цинично играть с доверием, с сокровенными чувствами, с верой в неприкосновенность и девственность любви.

Удивительное явление – вера. Сам создаешь кумира, сам наделяешь его сакральными свойствами, сам возносишь на самый высокий пик горной вершины возвышенных чувств, и поклоняешься, придумывая всё новые и новые сентиментальные ритуалы.

Генка и на этот раз поверил в то, что свидание жены с тем мужчиной было случайностью, эпизодом, в котором она играла роль невинной жертвы. Она осознала, поняла, она с ним.

А может, и вообще ничего не было!

Теперь он не был уверен в том, что там, в кафе, была именно Жанна. Такая жаркая схватка не может быть притворной.

Впрочем, по причине того, что Жанна способна вызвать страсть не только у него, Генка любил её ещё сильнее.

У него всегда были соперники, конкуренты, которым не собирается отдавать своё счастье.

Геннадий понял, что в любом и каждом человеке сокрыта, спрятана тайная пружинка, приводящая в движение ме-

ханизм вожделения, подобие маятника или часового механизма, запустить который способна сдвинутая с оси лёгким нажатием на потайной рычажок шестерёнка.

Генка боялся дышать. Сила любви, помноженная на мощную семейную гравитацию, могла вызвать перегрузку... могла.

Увлечённые чем-то особенным мы запросто теряем из виду привычное, но предельно важное, без чего жизнь теряет смысл, потому, что считаем это монотонное, уютное и обыденное, незыблемым, неизменным, вечным.

Ведь оно уже наше.

Ан, нет! В таком ракурсе алгоритм неизменности не работает. Любовь – живой организм, он требует сбалансированности, равновесия, которое достигается постоянными тренировками и сложным взаимодействием.

Генка отчего-то снова был счастлив, потому беспечен и глуп. Он вновь верил в безгрешность жены, в свою мужскую неотразимость, в скульптурную устойчивость мироздания, в застывший незыблемыми правилами моральный кодекс, в вечную любовь и несокрушимые семейные ценности.

Ничто не смущало, не тревожило Генку, не указывало на то, что Титаник семейного благополучия затонул, пока он спал, нежно сжимая упругую грудь жены.

День начинался с обыденных ритуалов. Станных изменений протокола семейных будней и досадных изменчивых мелочей он попросту не замечал.

Оказалось, зря.

Чем был вызван чувственный порыв жены, так и осталось для Генки тайной. Возможно, она не была готова сделать окончательный выбор, возможно, ждала или искала подтверждения своим мыслям.

Так или иначе – любила она сразу двоих.

Вскоре мужчина вновь убедился в коварстве жены, хотя отдал бы все сокровища мира за то, чтобы не ведать о пикантной и неприглядной интимной тайне.

Знать, что Жанна ведёт двойную жизнь, было больно. Сказать ей о своей осведомлённости – страшно.

Жена сама начала опасный диалог.

– Нам надо поговорить, Гена.

– С удовольствием, любимая. О чём угодно. Я весь внимание.

– Я решила расстаться с тобой. У меня есть мужчина. Мне с ним хорошо.

– Я знаю. Давно знаю.

Жанна повела бровью, скосила взгляд, – и ты молчал!

– Думал, перебесишься, не хотел выглядеть оленем, когда одумаешься. Что я делал не так, что подтолкнуло тебя сделать окончательный выбор?

– Любовь, Геночка. Настоящая, а не такая как у нас.

– Разве... тебя никогда не коробил тот факт, что с одинаковым энтузиазмом отдаёшься ему... а потом мне... мне, а затем с тем же пылом ему! Одновременно, Жанночка. Разве

ты никогда не испытывала чувства брезгливости?

– Представь себе, нет. Я ведь тебя тоже люблю. И не ушла бы к нему, но Ростик настоял. Мы уезжаем в Милан на постоянное место жительства.

– Как же я!

– Ты заикнулся на себе, на своей работе, стал предсказуемым. С тобой скучно. Извини, я должна двигаться дальше... но уже не с тобой!

– Раньше ты так не считала.

– Слишком много сладкого – тоже противно. Захотелось перчика, новых впечатлений, перемены обстановки, приключений, страсти. Попробовала – понравилось. Прости!

– Перчик – это да. Понимаю. Острый, пикантный, горячий, большой, толстый, сильный.

– Не хами, тебе не идёт. Обычный у него перчик. Причина лежит в иной плоскости. Мы устали друг от друга. Поживём отдельно. Я ведь не требую развода.

– Это да. Это веский аргумент. В каком, извини, качестве, ты отправляешься в турне по Европе? Мне сложно подобрать подходящее определение этого вояжа. Разве что...

– Назовём это компаньонка, подруга. Попутно буду исполнять роль помощницы и секретарши.

– Тогда всё ясно. В определённых кругах это называется эскортница. Видимо твой друг решил сэкономить на гонораре.

– К чему грязные предположения. Я его люблю и точка.

Чмоки-чмоки! Забираю только наряды и кое-какие украшения. Разрешаю тебе провести разведку боем. Не обижусь, если в моё отсутствие у тебя тоже появится очаровательная ассистентка. Не скучай.

– Обидно. Всё равно буду тебя ждать. Не выглядишь ты счастливой, это странно. И любила ты меня последние дни... как в последний раз. Эта поездка – роковая ошибка, заблуждение.

– Лучше попробовать и сожалеть, чем раскаиваться в том, что упустил, что так и не отведал: не лизнул, не пощупал. Отважусь рискнуть, крутану рулетку, поставлю на... на чёртову дюжину. Сама буду держать в кармане пальцы крестиком. Прорвёмся, любимый. Верь в судьбу.

Генка ждал. Ждал упорно, деятельно, активно, игнорируя романтические уловки и сигналы страсти претенденток на серьёзные отношения: любовно обустроивал покинутое супругой семейное гнёздышко, наращивал финансовые активы и интеллектуальный капитал, старательно поднимался по карьерной лестнице.

Генка верил, что Жанна вернётся, мечтал о том благословенном дне, когда вновь сможет обнять любимую, когда выпадет счастливый шанс восстановить статус-кво, вернуться к началу романтических отношений.

В разлуке он научился рисовать картинки, нечто похожее на комиксы, где роли были распределены между цветными изображениями влюблённых мужчины, женщины, их

сердечного посредника, и блёклого чёрно-белого незадачливого развратника, разваливающего красивый мир семейного благополучия.

Жена вернулась спустя год.

Выглядела Жанна не лучшим образом: постарела, осунулась, пристрастилась к крепкому алкоголю, научилась курить, одеваться безвкусно, практически во что попало.

Генка её трансформаций не замечал. Он был по-настоящему счастлив, хотя ответной реакции на его воодушевление не последовало.

Жанна курила и пила, пила и курила, закинув ногу на ногу, глядела безразлично, словно в полусне, куда-то мимо Генки. Похоже, он был для неё пустым местом, случайным или временным сожителем.

Минул месяц, следом второй.

Жанна жила тихо, спала отдельно. Романтические чувства ни разу не осветили её чела. Казалось, что истошились, иссякли в ней жизненные соки.

Генка предлагал показаться врачам, Жанна брезгливо махала рукой, – не лезь не в своё дело.

В один из однообразно тоскливых дней Генка обнаружил в своей квартире визитёра – солидного вида мужчину. Первой мелькнула мысль, что это очередной любовник. Действительность оказалась гораздо хуже.

– Лаврентий Павлович, адвокат. Представляю интересы Жанны Леонидовны в бракоразводном процессе. Можете

ознакомиться с документами. По закону половина имущества и всех финансовых активов принадлежат вашей супруге.

Перед глазами Геннадия забегали разноцветные мушки, голова пошла кругом.

Ему не было жалко нажитого, меркантильность не свойственна его характеру. Расстроило и разозлило наглое, весьма циничное, заранее продуманное предательство.

Оспаривать, выгадывать по мелочам, он не стал, выторговал лишь выкуп Жанкиной доли в стоимости собственной квартиры, расставаться с которой не захотел по ряду объективных причин.

Адвокат попался разворотливый, ушлый, уговорил Жанну переселиться к себе, а выигранные в суде деньги пустить в оборот.

Бывшая вдруг оттаяла, постоянно названивала по пустякам, приходила в гости, вновь начала флиртовать, намекала на то, что любовь – не ломоть чёрствого хлеба, что бывлые чувства не остыли.

Генке опять захотелось поверить в чудо, очень-очень захотелось.

На эту лакомую приманку он и купился, оставив однажды бывшую жену ночевать, после чего Жанна вновь почувствовала себя хозяйкой.

Играть романтические роли, притворяться влюблённой, было привычно. Наверно это увлекательно, может быть даже

интересно.

Жена-любовница правдоподобно изображала романтическую страсть, отдавалась ненасытно, изобретательно, пылко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.